

Олимпиадные задания

Инструкция по выполнению работ

Время на выполнение работ – 180 минут.
Максимальное количество баллов – 70 баллов.
Уважаемый участник!

Вам предлагается выполнить задания. Внимательно прочитайте каждое задание, отвечайте вдумчиво, не торопясь. Старайтесь давать полные, развернутые ответы. Задания можете выполнять в любой последовательности.

Задание. Аналитическое задание.

Выполните целостный анализ одного из предложенных произведений: ИЛИ прозаического, ИЛИ поэтического. Вы можете опираться на предложенные после каждого произведения вопросы или выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст. (70 баллов)

1 вариант.

Холодная осень

Иван Алексеевич Брунин

В июне того года он погостил у нас в имени — всегда считался у нас своим человеком: покойный отец его был другом и соседом моего отца. Питался того июня убили в Сараеве Фердинанда. Утром шестидесятиго привезли с почты газеты. Отец вышел из кабинета с московской вечерней газетой в руках в столовую, где он, мама и я еще сидели за чайным столом, и сказал:

— Ну, друзья мои, война! В Сараеве убит австрийский кронпринц. Это война!

На Петров день к нам съехалось много народу. — были именины отца, — и за обедом он был объявлен моим женихом. Но девятидцатого июля Германия объявила России войну...

В сентябре он прискакал к нам всего на сутки — проститься перед отъездом на фронт (все тогда думали, что война кончится скоро, и свадьба наша была отложена до весны). И вот настал наш прощальный вечер. После ужина подали, по обыкновению, самовар, и, посмотрев на запотевшие от его пара окна, отец сказал:

— Удивительно ранняя и холодная осень!

Мы в тот вечер сидели тихо, лишь изредка обменивались незначительными словами, преимущественно спокойными, скрывая свои тайные мысли и чувства. С притворной простотой сказал отец и про осень. Я положила к балконной двери и протерла стекло платком: в саду, на черном небе, ярко и остро сверкали чистые ледяные звезды. Отец курил, откинувшись в кресло, рассеянно глядя на висевшую над столом жаркую лампу: мама, в очках, старательно зашивала под ее светом маленький шелковый мешочек. — мы знали какой, — и это было трогательно и жутко. Отец спросил:

— Так ты все-таки хочешь ехать утром, а не после завтрака?

— Да, если позволите. Утром. — ответил он. — Очень грустно, но я еще не совсем распрощался по дому.

Отец ласково вздохнул:

— Ну, как хочешь, душа моя. Только в этом случае нам с мамой пора спать, мы непременно хотим проводить тебя завтра...

Мама встала и перекрестила своего будничного сына, он склонился к ее руке, потом к руке отца. Оставшись один, мы еще немного побывали в столовой, — я вдыхала распадавшееся пасыком, — он молча ходил из угла в угол, потом спросил:

— Хочешь, пройдемся немножко?

На душе у меня делалось все тяжелее, я безразлично отозвалась:

— Хорошо...

Одеваясь в прихожей, он продолжал что-то думать, с милой усмешкой вспомнил стихи Фета:

Какая холодная осень!

Надвиг свою шаль и капот...

Капота нет, — сказала я. — А как дальше?

— Не помню. Кажется, так:

Смотри — меж чернеющих сосен

Как будто пожар возмает...

— Какой пожар?

— Восход луны, конечно. Есть какая-то деревенская осенняя прелесть в этих стихах: «Надвиг свою шаль и капот...» Времена наших дедушек и бабушек... Ах, боже мой, боже мой!

— Что ты?

— Ничего, милый друг. Все-таки грустно. Грустно и хорошо. Я очень, очень люблю тебя...

Одевшись, мы прошли через столовую на балкон, сошли в сад. Сперва было так темно, что я держалась за его рукав. Потом стали обозначаться в светлом небе черные сучья, осыпанные минеральными блестящими звездами. Он, приостановившись, обернулся к дому:

— Посмотри, как совсем особенно, по-осеннему светят окна дома. Буду жив, вечно буду помнить этот вечер...

Я посмотрела, и он обнял меня в моей швейцарской накидке. Я отвела от лица пуховый платок, слегка отклонила голову, чтобы он поцеловал меня. Поцеловав, он посмотрел мне в лицо.

— Как блестят глаза, — сказал он. — Тебе не холодно? Воздух совсем зимний. Если меня убьют, ты все-таки не сразу забудешь меня?

Я подумала: «А вдруг правда убьют? и неужели я все-таки забуду его в какой-то короткий срок — ведь все в конце концов забывается?» И поспешно ответила, испугавшись своей мысли:

— Не говори так! Я не переживу твоей смерти!

Он, помогая, медленно выговорил:

— Ну что ж, если убьют, я буду ждаться тебя там. Ты поживи, порадуешься на свете, потом приходи ко мне.

Я горько заплакала...

Утром он ушел. Мама надела ему на шею тот роковой мешочек, что зашивала вечером. — в нем был золотой образок, который носили на войне ее отец и дед, — и мы перекрестили его с какими-то порывистыми отчаянием. Глядя ему вслед, постояли на крыльце в том оцепении, которое всегда бывает, когда проводишь кого-нибудь на долгую разлуку, чувствуя только удивительно несовершенство между нами и окружающим нас радостным, солнечным, сверкающим изморозью на траве утром. Постояв, вошли в опустевший дом. Я пошла по комнатам, заложив руки за спину, не зная, что теперь делать с собой и зарывать ли мне или запереть во весь голос...

Убили его — какое странное слово! — через месяц, в Галиции. И вот прошло с тех пор целых тридцать лет. И многое, многое перестало быть за эти годы, казавшиеся такими долгими, когда выматывала думаться о них, перебираться в памяти все то волшебное, непонятное, непостижимое ни умом, ни сердцем, что называется прошлым. Весной восемнадцатого года, когда ни отца, ни матери уже не было в живых, я жила в Москве, в подвале у торговки на Смоленском рынке, которая все издевалась надо мной: «Ну, ваше сиетельство, как ваши обстоятельства?» Я тоже занималась торговлей, продавала, как многие продавали тогда, солдатам в папках и растегнутых шинелях кое-что из оставшегося у меня, — то какое-нибудь колечко, то крестик, то меховой воротник, побитый моной, и вот тут, торгуя на углу Арбата и рынка, встретила человека редкой, прекрассной души, покинутого военного в отставке, за которого вскоре вышла замуж и с которым уехала в экспедицию в Египет. Ехали мы туда с ним и его племянником, мальчиком лет семнадцати, тоже пробравшимся к добровольцам, чуть не две недели, — я бабой, в лаптях, он в испортом казачьем зинзиве, с отпущенной черной с проседью бородой, — и пробывли на Дону и на Кубани больше двух лет. Зимой, в урван, отплыли с несметной толпой прочих беженцев из Новороссии в Турцию, и на пути, в море, муж мой умер в тифу. Близких у меня осталось после того на всем свете только проси- племянника мужа, его молоденькая жена и их девочка, ребенок семи месяцев. Но и племянник с женой ушли через некоторое время в Крым, к Врангелю, оставив ребенка на моих руках. Там они и пропали без вести. А я еще долго жила в Константинополе, зарабатывая на себя и на девочку очень

Илүүдэл 1-10-348-9

Так и переждала его смерть, отромычично связан кола-по, что я не пережину е. Но, испоминив все то, что я переждала с тех пор, всетла спринати себя, да, а что же все-таки в моей жизни? И я отвечала себе: только тот неподвижный осенний вечер. Уж если он был, когда-то? Все-таки был. И это все, что было в моей жизни — остальное неуязвимый сон. И в первую, горячую веру, где-то там он жидет меня — с той же любовью и молодостью, как в тот вечер. «Ты поживи, порадуешься на свете, потом приходишь мне», я поживала, порадоваться, теперь уже скоро придешь.

3 мая 1944

Опорные вопросы.

- ИЛИ

2 вариант

Всеволод Рождественский

ВЕРАХИДА

Просторная веранда. Луч покатый.
Гамак в саду. Шиповник. Бузина.
Расчёрченный на ромбы и квадраты.
Мир разноцветный виден из окна.

Вот посмотри — неповторимо новые
Обычные явления естества:
Синест сад, деревья все липовы,
Лазурная шевелится трава.

Смени квадрат — все станет ярко-красным
Жасмин, казаться душой от дождя...
Как этим превращением всевластным
Не вернуть, гамму красок прохлады?

Позвлеклись и пруды затопы
И выветшие ставни чердака.
Над кленами все так же неуклюжнно

Илустр А-10-348-9

Пусть хлынут к нам и свет, и щебет птиций,

Пусть мир порвет иллюзий невода
В своем непрекращаемом обличьи
Такой, как есть, каким он был всегда! (1965)

Всенолов Александрович Рожественский (1895-1977) – русский советский поэт и переводчик, журналист, военный корреспондент. Автор стихотворных сборников «Гимназический год» (1914), «Лето», «Золотое веретено» (1921) и др. Подготовил книгу избранных переводов «Средоточие времени», двухтомник избранного (1974).

Опорные вопросы:

1. Какой вы представляете себе ситуацию, в которой находится лирический герой стихотворения? Каким он видит мир вокруг себя? Как создается его образ в произведении?
2. Составьте список слов, обозначающих в стихотворении подробности видимого мира, какие из них сохраняют основное предметное значение, а какие становятся знаками переживания лирического героя?
3. Проанализируйте акустическую организацию стихотворения: выделите звуковые повторы, соотнесите значение маркированных этим повторами слов. Как их использование «доставляет» читателю заглавие?
4. Какие фрагменты текста показались вам особенно выразительными с точки зрения ритмики?
5. Какую жанровую форму напоминает по своему строению (строфикой, рифмовкой) это стихотворение?
6. Прокомментируйте особенности поэтического синтаксиса.

Максимальный балл за всю работу — 70 баллов

OTBET:

[illegible]

[illegible]

85-10-10-7-5

25/2

Илгэрлэг 1-10-348-9